

ЗАХАР ЗОВ

ЧАС БЫКА 2

Захар Зов
ЧАС БЫКА 2

«Автор»

2026

Зов 3.

ЧАС БЫКА 2 / 3. Зов — «Автор», 2026

412-й цикл Эры Понимания. Семь исследователей Земли, потомки легендарного экипажа «Тёмного Пламени», отправляются в глубокий космос к созвездию Дракона. Цель их межзвёздного похода — далёкий Аридан. Цивилизация этого мира веками транслировала в Галактику необъяснимые, постоянно меняющиеся сигналы, которые активно избегали любого однозначного объяснения со стороны человеческого Разума. Землянам предстоит столкнуться с обществом абсолютного порядка, где жёсткая Иерархия остановила саму историю ради сохранения незыблемого покоя. Сможет ли динамический, ищущий Разум Земли преодолеть застывшую «Константу» чужого мира, не повторив трагических ошибок прошлого? Романы-диалоги Ивана Ефремова оставили нам великие вопросы — пришло время искать на них ответы в бездне.

© Зов 3., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Захар Зов

ЧАС БЫКА 2

Глава

ЧАС БЫКА - 2

ОТ АВТОРА

Возвращение к философским горизонтам отдалённого будущего, намеченным в своё время Иваном Антоновичем Ефремовым, стало для меня не только масштабной литературной задачей, но и глубокой внутренней необходимостью, продиктованной логикой развития современной социальной мысли. Настоящая работа ни в коей мере не является механическим продолжением или простым подражанием известным вехам отечественной научной фантастики. Это попытка диалектического анализа тех скрытых, латентных опасностей, с которыми мыслящее человечество неизбежно столкнётся на высших ступенях своего эволюционного восхождения, когда явные исторические барьеры будут уже преодолены.

Если гениальный роман-предупреждение «Час Быка» исследовал анатомию inferнальности — прямое следствие социальной деградации, хищнического фашиствующего монополизма и варварского разрушения природной биосферы под гнётом олигархического строя, — то предлагаемое произведение обращается к принципиально иному цивилизационному кризису. Это кризис ложного совершенства, развивающийся не из хаоса разрушения, а из абсолютизации идеи порядка. В данном сюжете исследуется ситуация, когда разумная система, стремясь полностью обезопасить себя от исторических потрясений, добровольно отказывается от самого механизма развития, подменяя живую эволюцию духа безупречным кибернетическим алгоритмом.

Исторический материализм и законы высшей психической деятельности показывают, что преодоление явных форм угнетения, голода и классовых войн не приводит автоматически к завоеванию подлинной свободы. Общество, утомлённое долгими веками катастроф и балансирования на грани тотального самоистребления, неизбежно испытывает соблазн оградить себя от любых проявлений неравновесия. Стремление полностью элиминировать риск роста, исключить кризисы познания и зафиксировать социальную структуру в состоянии вечного баланса порождает феномен, названный в романе «Константой».

Олигархия планеты Таа Рет (Аридан), выведенная на страницах книги, представляет собой предельную техническую реализацию этой доктрины абсолютного покоя. Это цивилизация, сумевшая сорок тысяч лет назад искусственно остановить бег линейного времени ради спасения от всеобщего Коллапса. Однако законы диалектики неумолимы: любая консервация живой системы означает её постепенное подчинение скрытым законам энтропии. Предельная предсказуемость социального бытия, безупречное функционирование репродуктивных и распределительных механизмов Вершины были куплены страшной ценой — полным отказом от внутренней изменчивости и превращением индивидуального сознания в пассивный, строго стандартизированный элемент распределительной сети.

Центральной задачей романа стало исследование того переломного момента, когда этот застывший мир сталкивается с необходимостью преодоления собственной неподвижности. Контакт исследователей Земли, представляющих Эру Великого Кольца, с замкнутой структурой Таа Рет неизбежно выливается в глубочайший гносеологический и социальный кризис. Земное человечество, воспитанное в условиях динамического неравновесия, непрерывного штурма тайн природы и высочайшей персональной ответственности за вектор исторического движения, выступает здесь не носителем физического разрушения или готовых идеологических догм. Земля возвращает Аридани утраченный им фундаментальный закон вселенной — принцип множественности восприятия реальности, возвращает линейную протяжённость времени и, как следствие, право на открытое, вариативное будущее.

Переход из «царства необходимости в царство свободы», о котором говорили основоположники научной социологии, понимается в настоящей работе не как статичное, раз и навсегда завоёванное состояние Счастья, а как непрерывный, бесконечный процесс преодоления внутренних и внешних противоречий материи. Великое Кольцо в данном сюжете сталкивается с беспрецедентным методологическим вызовом. Столкнувшись с распадом Константы, земные ученые вынуждены переосмыслить собственные критерии познания. Они осознают, что подлинная зрелость Разума измеряется не способностью подчинить среду единому непреложному закону, а мужеством удерживать и координировать несовместимые, расходящиеся версии реальности, не позволяя им при этом обрушиться в первобытный хаос деструкции.

Контраст между людьми Земли, чьё мышление сформировано веками сознательного коммунистического созидания, и ариданцами, запертыми в ментальных фильтрах Иерархии, позволяет обнажить ключевую мысль романа: цивилизации недостаточно просто стабильно функционировать ради поддержания собственного биологического субстрата. Без вечного восхождения к новому знанию, без сохранения права на ошибку и преодоление, любая, даже самая совершенная технократическая система превращается в мёртвый памятник самой себе.

Контраст между людьми Земли, чьё мышление сформировано веками сознательного коммунистического созидания, и ариданцами, запертыми в ментальных фильтрах Иерархии, позволяет обнажить ключевую мысль романа: цивилизации недостаточно просто стабильно функционировать ради поддержания собственного биологического субстрата. Без вечного восхождения к новому знанию, без сохранения права на ошибку и преодоление, любая, даже самая совершенная технократическая система превращается в мёртвый памятник самой себе.

Попытка заглянуть за столь сложный социальный горизонт требует от автора отказа от готовых утопических иллюзий. Настоящее исследование направлено к тем разумах, которые способны осознать: грядущее не гарантировано ходом истории, оно завоевывается непрерывным преодолением энтропии в самом сознании. Способность человека сохранить в себе динамический потенциал исследователя и творца перед лицом абсолютной упорядоченности — вот главный вектор, определивший внутреннюю логику этой книги.

Март 2020 г.

ПРОЛОГ

Цзэ и – «иная мера»; то, что нельзя оценить привычным способом.
Старый китайско-русский словарь епископа Иннокентия. Пекин, 1909

Памяти Ивана Антоновича Ефремова,
чьи идеи продолжают путь.

Шёл 412-й цикл Эры Понимания Вселенной.

Циклы давно уже не измерялись годами. Они определялись тем, как менялось само понимание — и заканчивались не по времени, а в тот момент, когда прежняя картина мира переставала удерживать человека.

У этой эры не было момента начала. Она возникла постепенно, из накопленного опыта. Человечество перестало объяснять Вселенную и впервые попыталось её услышать.

Когда-то, преодолев разобщённость, люди научились жить в согласии между собой. Они поняли природу своих страхов, научились управлять силами, которые прежде разрушали их мир, и достигли равновесия, казавшегося окончательным. Казалось, что путь завершён.

Но за пределами Земли их ожидало иное.

Разум, не похожий на человеческий.

Миры, в которых развитие шло по непривычным законам.

Цивилизации, не стремившиеся к тем формам гармонии, которые люди считали естественными.

Первые контакты были осторожны, почти благоговейны. Люди несли с собой знание, уверенные, что оно универсально, что оно может быть понято и принято везде, где существует разум. Но очень скоро стало ясно: понимание, достигнутое внутри человечества, не распространяется на других.

Знание, переданное слишком рано, нарушало хрупкое равновесие чужих обществ. Помощь, предложенная с добрыми намерениями, оборачивалась разрушением. Попытки ускорить развитие приводили к непредсказуемым последствиям.

Тогда и возникло новое осознание — простое и трудное одновременно:

человечество научилось понимать себя...

но ещё не научилось понимать других.

С этого и началась новая эпоха — не как торжество, а как принятие ограничения. Понимание перестало означать вмешательство. Наблюдение стало не менее важным, чем действие.

В течение последующих циклов были выработаны принципы, определившие дальнейший путь. Контакт перестал быть актом передачи знаний. Он стал процессом изучения, ожидания и осторожного приближения. Там, где раньше искали возможность помочь, теперь искали возможность понять.

И всё же даже в этой новой осторожности оставались вопросы, на которые не было ответа.

Развитие техники шло вперёд, открывая возможности, о которых прежде можно было лишь предполагать. Пространство, казавшееся непреодолимым, уступало новым методам движения. Там, где раньше требовались годы и сложные расчёты, теперь возникала возможность точного перехода — без отклонений, без потери ориентации, без риска оказаться в иной точке.

Но вместе с точностью приходила и ответственность выбора.

Если раньше случайность могла оправдать направление, то теперь каждая цель должна была быть определена заранее — осмысленно и безошибочно.

И когда новая технология перемещения была доведена до стадии практического применения, перед Советом взаимодействия встал вопрос: куда направить экспедицию.

Выбор не был быстрым.

Среди множества доступных направлений внимание было обращено к одной из удалённых звёздных систем, расположенной в созвездии Дракона. Наблюдения, проводившиеся на протяжении длительного времени, выявили в ней процессы, не поддававшиеся однозначному объяснению. Они не укладывались в известные модели развития разумных форм жизни и в то же время не могли быть отнесены к природным явлениям.

Сигналы, исходившие от одной из планет системы, не являлись средствами связи в привычном смысле. Они повторялись, изменялись и исчезали, не оставляя возможности для точной расшифровки. Попытки интерпретации приводили к противоречивым результатам.

Это делало систему одновременно подходящей и опасной целью.

Решение было принято после долгих обсуждений.

Для экспедиции были отобраны не просто специалисты, а представители линий, восходящих к участникам одной из наиболее известных экспедиций прошлого исторического — полёта звёздолёта «Тёмное пламя». Считалось, что опыт, однажды проявленный в контакте с иной цивилизацией, может сохраняться не только в знаниях, но и в самой культуре, передаваемой через поколения.

Это решение не было принято единогласно.

Некоторые считали его излишне символическим, полагая, что новые задачи требуют новых подходов и освобождения от влияния прошлого. Другие же утверждали, что именно память о прежних ошибках и достижениях способна уберечь от повторения опасных решений.

Так или иначе, выбор был сделан.

На Земле существовало немало мест, где память о прошлом сохранялась особенно ясно. Но среди них было одно, к которому обращались чаще других. Небольшое плоскогорье Реват.

Забравшись на перевальную точку, семь молодых людей замерли. Перед ними раскрылась роща громадных секвой, скрывавшая в своей тени центр плоскогорья. Тридцать четыре широкие дорожки — по числу главных векторов Великого Кольца — расходились от рощи к склонам холмов из коричневого базальта, отвесно срезанных и покрытых барельефами, смысл которых ускользал от взгляда. Белый камень главной дороги тянул их вперед, и только две колонны из черного гранита отмечали вход, словно границу между обычным миром и тем, что не поддаётся простому пониманию.

Под высокими ветвями свет солнца ослаб, стал рассеянным, почти материальным. Шелест листвы затих, уступая место глубокой тишине. Мощь гигантских стволов заставила их невольно замедлить шаги. Они шли молча, но это молчание не было пустым — в нём ощущалось ожидание.

Первым остановился тот, кто шёл впереди. Его взгляд сразу устремился туда, где между стволами начинала открываться поляна. Он не обернулся, но остальные тоже остановились, словно почувствовали ту же границу.

Чуть позади другой из них привычно оглядел пространство, отмечая линии, углы, структуру — но даже его точный, собранный взгляд на мгновение задержался, словно не находя опоры в привычной логике.

Кто-то поднял голову, всматриваясь в высоту, где ветви секвой терялись в свете. Пространство здесь ощущалось иначе — не как место, а как точка пересечения направлений, смыслов, путей.

Одна из девушек шагнула вперёд чуть быстрее остальных, но почти сразу остановилась, словно натолкнувшись на невидимую преграду. Её рука невольно сжалась, и она глубоко вдохнула, будто пытаясь удержать внезапное чувство.

Другой не смотрел по сторонам. Его взгляд был направлен вперёд, в центр, ещё скрытый, но уже присутствующий. Он словно пытался почувствовать это место раньше, чем увидеть.

Кто-то задержался у края тени, прислушиваясь — не к звукам, а к самому состоянию пространства. В нём было что-то, напоминающее живую систему, замкнутую и в то же время открытую.

Последняя шла медленнее остальных. Её взгляд скользил по каждому, будто она пыталась уловить не их движения, а то, что происходило внутри.

Когда они вышли на центральную поляну, свет снова стал резким, почти неумолимым. И тогда они увидели памятник.

Полусферический купол из темно-зеленого металла, рассечённый грубой прямой расщелиной, поднимался над площадкой, словно остановленный в момент разрушения. Вокруг основания, под кольцевым выступом, стояли изваяния людей.

Первый из них сделал ещё один шаг и остановился. Теперь уже окончательно.

Остальные подошли ближе, но никто не говорил.

Один перевёл взгляд на спиральную площадку — туго закрученную, зеркально полированную, врезанную в чёрный камень. Он провёл по ней взглядом, словно прослеживая движение, застывшее в металле.

Другой заметил различие: одна сторона полукруга была короче другой. Пять фигур против восьми. Он не стал говорить — смысл был очевиден.

Одна из девушек медленно подняла глаза на ближайшую статую. Её дыхание стало тише. Она не пыталась анализировать — только смотрела.

Кто-то остановился напротив группы фигур и вдруг ощутил странное: не дистанцию, а связь. Как будто это было не прошлое, а продолжение.

Другой всматривался в лица. В них не было застывшей пустоты — только напряжение, мысль, выбор. Они ощущались почти живыми.

Последняя сделала шаг вперёд и остановилась у самой границы света и тени. Её взгляд задержался на расщелине, разделяющей купол. И в этом разрыве было больше, чем просто символ.

Никто из них не произнёс ни слова.

Но каждый понял.

Это было не место памяти.

Это было место перехода.

Он начинался раньше — в решении, которое каждый из них принял ещё до того, как оказался здесь, на плоскогорье Реват. И всё же именно здесь это решение приобретало окончательную форму, становилось не внутренним намерением, а частью общего движения.

Они покидали Землю не впервые.

Человечество давно вышло за её пределы, и сами понятия расстояния и длительности уже не имели прежнего значения. Но каждый новый выход за границы известного требовал не только знания и подготовки, но и внутренней ясности — той, которая не поддаётся измерению.

Один за другим они отходили от памятника, не оглядываясь. Это не было жестом прощания. Скорее — признанием того, что прошлое уже сказало всё, что могло, и не нуждается в повторении.

Над плоскогорьем медленно сгущался вечер. Свет становился мягче, очертания фигур — глубже. Камень, из которого были высечены тринадцать людей, казался тёплым, словно сохранял в себе не только форму, но и память.

Когда последний из пришедших покинул Реват, на плато снова осталась тишина.

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

1. Сен Родис — лидер экспедиции, философ и моральный центр

Роль и позиция: Главный герой и капитан миссии нового поколения. Отвечает за стратегическое планирование, принятие моральных решений и общее руководство экспедицией. Профессия / деятельность: Управление командой и кораблём; планирование маршрутов, миссий и контактов с новыми цивилизациями; философское и этическое осмысление последствий действий команды. Что с профессией связано: Предугадывает последствия любого вмешательства; обучает команду принимать решения, где действие может противоречить этике; знания истории и культур помогают взаимодействовать без разрушения. Познавательный элемент: Лидерство в экстремальных условиях, моральные дилеммы, изучение чужих культур.

2. Ил Гриф — командир корабля, инженер и стратег

Роль и позиция: Командир звездолёта, главный инженер и стратег. Контролирует техническое состояние корабля и системы обороны. Профессия / деятельность: Управление инженерными системами: двигатели, аннигиляционные установки, жизнеобеспечение; анализ данных с сенсоров, прогнозирование полёта; разработка технических решений. Что с профессией связано: Соединяет технику и стратегию, минимизирует опасности для экипажа и цивилизаций. Познавательный элемент: Основы космической инженерии, безопасность полёта, логика техники и мораль.

3. Тар Норин — навигатор и разведчик

Роль и позиция: Главный навигатор и исследователь. Ориентирование в космосе, изучение планет, анализ условий для посадки и контакта. Профессия / деятельность: Создание и корректировка маршрутов; разведка планет и оценка их обитаемости; первичный контакт с цивилизациями, фиксация данных о флоре, фауне и социальных структурах. Что с профессией связано: Сочетает астронавтику и антропологию; ведёт наблюдения, формирует рекомендации для безопасности и взаимодействия. Познавательный элемент: Астронавигация, разведка, картография, подготовка к первому контакту.

4. Ли Симбел — пилот и инженер

Роль и позиция: Главный пилот и инженер корабля, отвечает за полёт, маневры и техническое обслуживание реактивных систем. Профессия / деятельность: Управление кораблём в сложных условиях; поддержка и ремонт двигателей, систем жизнеобеспечения; обеспечение безопасности экипажа при посадках. Что с профессией связано: Совмещает практику пилота и инженера; работает в условиях стресса, где ошибка может стоить жизни; критичен для исследования новых миров. Познавательный элемент: Пилотирование космических кораблей, системы жизнеобеспечения, инженерные расчёты.

5. Рэй Аттал — антрополог и культуролог

Роль и позиция: Главный антрополог и исследователь культур. Изучает социальные структуры, традиции, язык и психологию цивилизаций. Профессия / деятельность: Сбор и анализ данных о поведении и социальных системах; фиксация ритуалов, технологий и форм коммуникации; подготовка рекомендаций для безопасного и этичного взаимодействия. Что с профессией связано: Соединяет полевую антропологию с космическими исследованиями; учит команду уважать чужие культуры. Познавательный элемент: Основы антропологии, сравнение культур, этика контакта, сбор информации.

6. Сей Танет — врач-биолог

Роль и позиция: Главный биолог и врач команды. Следит за здоровьем экипажа, исследует флору, фауну и биологические угрозы. Профессия / деятельность: Медицинское сопровождение экипажа; анализ биологических образцов; разработка методов защиты от инфекций и ядов. Что с профессией связано: Объединяет медицинские и биологические знания; помогает выживать и изучать живые системы. Познавательный элемент: Медицина в космосе, биологические исследования, подготовка к контактам с неизвестной флорой и фауной.

7. Нэйра Дез — специалист по парапсихологии и коммуникации

Роль и позиция: Главный психолог / парапсихолог и специалист по коммуникации. Исследует сознание и формы коммуникации. Профессия / деятельность: Анализ психического состояния экипажа; исследование способов передачи мыслей и эмоций; консультирование по этическим и психологическим вопросам. Что с профессией связано: Сочетает психологию, парапсихологию и теорию коммуникации; проверяет моральные границы решений, эффективность командного взаимодействия. Познавательный элемент: Психология и парапсихология, межкультурное общение, управление стрессом в космических миссиях.

Персонажи планеты Таа Рет (Аридан)

Совет Четырех (Великие Вечные)

Кэр Тах Нак — Председатель Совета, высший хранитель Константы. Существо, чье сознание интегрировано в вычислительную сеть планеты.

Ааэр-Ван — Старший Медиум касты Пробужденных. Хранитель ментального равновесия между миром спящих и миром вахты.

Сэ Ваак Ду — Координатор Внешних Связей (Вечный второго круга), первый вступивший в диалог с землянами.

Ур Иллáр Эрт — Этический Наблюдатель, анализирующий действия людей с точки зрения «Закона Завершения».

Служители и Технократы (Кастовая структура)

Зор-Тат — Главный Синхронизатор Пятого Инженерного Пояса. Представитель Техножрецов, управляющий гравитационными Струнами.

Нитар — Высшая Регенераторша Сектора Инкубаторов. Глава касты Служителей Биоформы.

Искусственные и Подавляемые формы

Био-синтетики — многорукие существа-инструменты нижних ярусов, лишённые самосознания (функциональные рабы).

Хон-То — собирательное имя заархивированных наций «пассивного пути» (спящие в золотых капсулах).

Кхаа́рг — собирательное имя наций «агрессивного пути», ныне запертых в багровых ячейках стазиса.

Тана Кхи — один из старейших операторов Высшего Контура Аридана. В структуре Иерархии занимает ключевой пост — курирует системы жизнеобеспечения всей Вершины.

ГЛАВА 1 — «Вход в наблюдение»

Подготовка к экспедиции не сопровождалась суетливой спешкой. В Эру Понимания, когда стратегические решения принимались не под конъюнктурным давлением внешних обстоятельств, а через длительное, диалектическое согласование фундаментальных знаний, линейное время перестало функционировать в качестве главного цивилизационного ограничения. Ошибка на пути Великого Кольца ценилась несоизмеримо дороже любой хронологической задержки. Поэтому технологические процессы старта не форсировали — их последовательно проясняли до тех пор, пока в математических моделях полностью нивелировалась латентная внутренняя неустойчивость.

Качественный состав экспедиции был намеренно небольшим. В прежние, технологически архаичные эпохи миссия подобного масштаба потребовала бы физического присутствия сотен узких специалистов: операторов контуров, расчетных групп, ситуационных аналитиков и навигационных наблюдателей. Теперь же подавляющую часть рутинной и вычислительной работы безупречно выполняли автономные кибернетические комплексы — интегральные системы, способные изохронно удерживать миллионы взаимосвязанных параметров материи, прогнозировать микроскопические отклонения полей ещё до момента их фактического возникновения и пластически перестраивать внутренние контуры без директивного участия человека.

Однако радикальное уменьшение числа участников экспедиции не являлось признаком упрощения её задач. Скорее наоборот. Там, где в прошлые века человек осуществлял оперативное управление механическими процессами, теперь от его Разума требовалось принципиально иное — гносеологическая способность определить, целесообразно ли вообще пролонгировать данный процесс в будущее.

Электронная машина была способна мгновенно обнаружить логическое противоречие. Она могла предложить математически оптимальный путь, могла просчитать физические последствия бифуркации с прецизионной точностью, абсолютно недоступной человеческому синаптическому аппарату. Но кибернетический мозг звездолета не обладал тем, что по-прежнему оставалось вне рамок любых алгоритмических структур: способностью осуществлять ответственный волевой акт в условиях принципиально неполного, дефицитарного понимания среды.

Именно поэтому кадровый состав экипажа детерминировался не только объемом накопленных энциклопедических знаний. Аналитическими институтами Земли учитывался совершенно иной субстратный фактор: предельная психофизическая устойчивость индивидуального восприятия, способность полярно удерживать различие исследовательских взглядов и латентное умение улавливать рождающийся смысл ещё до того, как он кристаллизуется в очевидных показаниях индикаторов.

Сен Родис однажды дефинировал это качество как «культуру присутствия». В период первых межзвездных поисков данная формулировка казалась ортодоксальным теоретикам слишком абстрактной. Но чем дальше эволюционировали приборы высшего анализа, тем научно яснее становилось: человек как носитель Разума необходим Космосу не там, где всё каузально известно и просчитано, а там, где новое знание ещё не обрело устойчивую материальную форму.

Перед непосредственным осуществлением пространственного перехода от исследователей требовалось лишь одно — прецизионное определение интегрального состояния континуума. В архаичной навигации ушедших веков подобное определение именовалось координатой, однако к тридцать третьему веку этот термин окончательно утратил свой первоначальный, упрощённый смысл. Речь шла уже не о поиске геометрической точки, не об измерении линейного расстояния и даже не об ориентации вектора направления в пустоте.

Необходимо было математически описать целостную, многомерную конфигурацию фазового пространства: гравитационные напряжения полей, локальные топологические свойства вакуума, временную плотность протекания физических процессов и квантовый характер взаимодействия полярных сред. Ничтожная ошибка в расчете хотя бы одного изолированного

параметра не просто уводила бы исследовательский корабль в сторону от намеченного курса — она делала само физическое совпадение субстрата звездолёта с метрикой целевого региона абсолютно невозможным, грозя мгновенной аннигиляцией материи.

Базовые конфигурационные расчеты выполнялись задолго до фактического старта и многократно верифицировались дублирующими аналитическими системами Земли. Однако окончательное, директивное подтверждение готовности контуров всегда оставалось за людьми. И дело было вовсе не в том, что машины могли совершить техническую ошибку. Проблема заключалась в их фундаментальной онтологической специфике: искусственные алгоритмы не всегда были способны дифференцировать, какие из колоссального массива данных являются избыточными, а какие — критически недостаточными для совершения прыжка.

Поэтому каждый участник будущей экспедиции скрупулёзно, в течение долгих часов, день за днём просматривал колоссальные многомерные массивы накопленной информации самостоятельно, полагаясь на суверенные ресурсы своего интеллекта. То не было механическое дублирование или рутинное повторение уже выполненных машинами вычислений; исследователи Эры Понимания пытались обнаружить в бесконечных столбцах цифр и графиков то, что принципиально не фиксировалось формальной, бинарной логикой кибернетических систем. Они искали едва уловимое, подсознательное несоответствие, скрытую от алгоритмов аномальную закономерность или то интуитивное, чисто человеческое ощущение неполноты картины, которое в материалистической науке Земли считалось предвестником гносеологического прорыва.

Подобные парадоксальные случаи в истории Великого Кольца уже неоднократно происходили прежде, на заре освоения дальнего Космоса. Иногда навигационное или физическое решение, предложенное электронным мозгом предыдущих поколений, оказывалось математически безупречным, строго верифицированным по всем контурам и — всё же глубоко неверным при столкновении с подлинной метрикой неизведанных областей Вселенной. В те времена никто не мог объяснить этот феномен до конца, усматривая в нём скрытые дефекты программирования. Однако многолетняя исследовательская практика наглядно доказала: пластическое человеческое восприятие, обострённое веками эволюции Разума, способно улавливать тончайшие формы материальной нестабильности и зарождающегося хаоса значительно раньше, чем их удаётся формализовать и выразить в строгом, застывшем языке математических формул.

Цель их межзвёздного похода находилась в направлении полярного созвездия Дракон — сложная, многопланетная система, известная в каталогах старой, архаичной астрономической классификации двадцатого столетия под скромным индексом Кеплер-90. Открытая людьми Земли планета получила обозначение — Аридан.

Астрофизические наблюдения за этой далекой точкой Галактики велись Институтами Космических Исследований уже очень давно. Первоначально глубокий интерес ученых вызывала сама необъяснимая, пульсирующая необычность транслируемых оттуда радиоастрономических сигналов: они принципиально не соответствовали ни естественным, спонтанным астрофизическим процессам вроде излучения пульсаров, ни известным человечеству классическим формам грубой техногенной активности. Но позднее, по мере накопления данных, научная проблема стала несоизмеримо глубже и тревожнее.

Принимаемые структурами Кольца сигнальные конфигурации циклически повторялись. Однако они никогда не воспроизводились полностью, в абсолютном тождестве с предыдущими сериями. Каждая новая многолетняя серия наблюдений содержала в себе едва уловимые, лабильные фазовые изменения, словно сама далекая цивилизация Аридана и её глобальные машины сохраняли свою внутреннюю термодинамическую устойчивость не через консервативную неизменность порядка, а через контролируемое, непрерывное и осознанное различие.

Это коренным образом нарушало все привычные, линейные модели земного анализа. Структурированные сигналы Аридана не выглядели хаотичными флуктуациями мёртвой материи, но и строгая, однозначная закономерность в них не фиксировалась приборами окончательно. Любая математическая расшифровка спустя определённый временной интервал неизбежно переставала быть полной, рассыпаясь перед лицом новых данных.

Именно этот гносеологический тупик в своё время впервые по-настоящему заинтересовал Рэя Аттала. Обладая острым аналитическим умом, он обратил пристальное внимание на фундаментальную странность: данные дальнего зондирования не просто хаотически изменялись под воздействием космических помех — они как будто целенаправленно и активно избегали окончательного, моноцентрического совпадения с любой предложенной человеческим Разумом интерпретацией. Сначала на Советах Кольца эту смелую гипотезу сочли следствием банального дефицита информации и несовершенства улавливающих контуров. Позже, однако, исследователям стало кристально ясно: коренная проблема заключалась вовсе не в качестве поступающих данных, а в самом философском принципе внешнего, изолированного наблюдения за Ариданом.

Экипаж «Гармонии» собирался на Земле постепенно, проходя сложнейшие этапы психофизиологической совместимости. Формального, официозного представления друг другу не требовалось — каждый из них задолго до первой личной встречи имел неограниченный доступ ко всем открытым информационным материалам, научным трудам и биографическим хроникам других участников миссии. Но сухое знание анкетной биографии в Эру Понимания ещё далеко не означало подлинного, глубокого понимания человеческого существа. Они были потомки одного из легендарного экипажа «Тёмного пламени».

Первые недели совместной подготовки проходили без жёсткого, директивного регламента. Общие разговоры и научные дискуссии возникали спонтанно, подчиняясь естественным ритмам общения: в панорамных обзорных секторах наземных лабораторий на фоне плывущих облачных массивов Земли, у мерцающих трехмерных навигационных проекций или в мягких зонах частотной синхронизации индивидуальных Биоконтуров. Иногда исследователи часами горячо обсуждали текущие навигационные расчёты прыжка, иногда — трагическую историю ранних контактов Великого Кольца с деструктивными цивилизациями типа Торманса. Порой же дружеский разговор надолго уходил в сторону от непосредственных задач экспедиции, углубляясь в философию, искусство или воспоминания детства, и возвращался к параметрам предстоящего полета только спустя долгие часы.

Постепенно, шаг за шагом, между этими столь разными людьми возникало не декларативное единство мнений, а нечто несоизмеримо более важное для выживания в бездне — глубинная совместимость индивидуальных ритмов мышления, их ментальный резонанс. Когда

эта внутренняя настройка Разума была зафиксирована институтами контроля, пришло время старта.

Сам процесс перехода человеческого сознания и плоти из планетарного бытия Земли в автономную реальность космического похода материализовался на посадочной платформе Главного Космопорта. Экипаж «Гармонии» прибыл к стартовой площадке, где ожидал их транспортный Модуль звездолёта в два часа ночи — в тот самый глухой предрассветный период, который древние предки когда-то испуганно именовали «часом дьявола», а великие философы прошлого — «Часом Быка».

В Эру Понимания этот выбор времени не нес в себе и капли мистицизма, являясь сухой инженерной и биологической необходимостью. Именно в эти минуты атмосфера планеты достигала максимальной термической и ламинарной стабильности, очищаясь от дневных ионосферных возмущений.

Однако Сен Родис, как историк, видел в этом выборе глубокий, символический символизм. Древние поверья утверждали, что в этот час истончается граница между мирами. И теперь, спустя столетия, наука Великого Кольца словно подтверждала эту интуицию предков: именно сейчас, когда планетарный шум Земли затихал, а биоритмы Семёрки достигали точки наивысшей ментальной чистоты, психика людей была максимально готова к первому шагу во внешнюю вселенную. Им предстояло повторить это «истончение реальности» уже в масштабах Галактики, когда фазовые контуры «Гармонии» сотрут расстояние между Землей и Ариданом.

Перед ними, уходя циклопической титановой иглой в темное стратосферное небо, замер скоростной транспортный модуль...

Шаг через герметичный шлюз транспортного модуля не сопровождался торжественными ритуалами — для людей Эры Понимания он являлся естественным продолжением их научной работы. Сен Родис первой пересёк магнитный контур декомпрессионного тамбура стартовой платформы, за ней следовали Ил Рифт, Тар Норин и Лира Симбел, Нейра Дез, Сей Танет и Рэй Аттал замыкал группу из семи человек, физически ощущая, как за его спиной с тихим гидравлическим вздохом смыкаются многотонные плиты внешнего броневое пояса, отсекая земную атмосферу.

Старт транспортного судна был мягким, неосязаемым. Лишь по едва заметному изменению веса и по тому, как стремительно густела чернота за узкими кварцевыми иллюминаторами, люди понимали: Земля остаётся позади. Несколько часов автономного полета прошли в сосредоточенном молчании. На исходе сидерического часа навигационные системы зафиксировали сближение с целью.

Звездолёт «Гармонии» возникал в поле зрения постепенно, подобно вытянутой, идеальной капле жидкого титана — плавной, полностью лишённой швов или привычных инженерных выступов. Корабль словно не занимал пространство, а изменял сам способ его восприятия вокруг себя. Свет далеких созвездий рядом с его носовой частью изгибался едва заметно, демонстрируя наглядный эффект предварительного согласования среды.

Передняя часть капсулы словно диффундировала в черноте вакуума. Свет далеких созвездий рядом с ней изгибался, подчиняясь законам неевклидовой геометрии, будто проходя через область иной гравитационной плотности. Звёзды позади кормовых контуров иногда оптически смешались раньше, чем должен был физически измениться угол наблюдения.

Само пространство начинало пластически перестраиваться ещё до того, как звездолет совершал фактическое движение вперед.

Опытный астронавигатор Ил Рифт однажды объяснил этот феномен Лире Симбел, definiровав его как «эффект предварительного согласования среды».

Ли́ра тогда иронично усмехнулась:

— То есть наш корабль вежливо сообщает окружающему пространству, что собирается существовать в данной точке иначе, чем предписано классической физикой?

— Примерно так, Ли́ра, — серьезно ответил Ил Рифт. — Разница лишь в том, что пространство вовсе не обязано соглашаться на это предложение.

Именно поэтому уникальная, лабильная форма «Гармонии» являлась суровой материальной необходимостью. Любая резкая, прямоугольная геометрия корпуса при выходе на субсветовые скорости вызвала бы катастрофические локальные разрывы непрерывности физического поля — стоячие возмущения вакуума, ведущие к аннигиляции.

Прямо по курсу в зеркальной броне звездолёта беззвучно распахнулась циклопическая линия фазового разъёма. Сама материя корпуса, повинаясь сигналу кибернетической надсистемы, пластически изменила свою конфигурацию, открывая зев исполинского посадочного ангара, и транспортный модуль плавно вошёл внутрь. Изнутри этот отсек поражал своими масштабами: он казался огромной, безупречно белой научной лабораторией, интегрированной непосредственно в тело корабля. Здесь не было тянувшихся кабелей или грубых кранов — невидимые магнитные и гравитационные захваты мягко подхватили транспортный Модуль и зафиксировали его на центральной посадочной рампе.

С тихим шипением выравнивающегося давления шлюз модуля открылся, и экипаж впервые ступил на прочное покрытие ангара «Гармонии». Воздух здесь был удивительно чистым, с едва уловимым озоновым привкусом.

Рэй Аттал, сойдя с трапа, остановился и огляделся. Его аналитическое внимание сразу же привлёк объект, расположенный на противоположной стороне платформы, в специальном технологическом ложементе. Там, точно в такой же стопроцентной готовности к старту, замер абсолютно идентичный, зеркально повторяющий контуры их собственного Модуля **резервный посадочный модуль**. Его полированная обшивка отражала ровный свет ангара, а все внешние сенсорные системы находились в режиме латентного ожидания. Этот корабль-дублёр стоял как немое напоминание о непреложном законе Эры Понимания: безопасность межзвёздного поиска базируется на абсолютной, дублирующей готовности к любому вектору неопределённости.

— Он полностью синхронизирован с нашими навигационными контурами, — тихо произнёс подошедший сзади Ил Рифт, перехватив пристальный взгляд Рэя. — Если на поверхности Таа Рет реальность начнёт ветвиться, резервный модуль активируется автоматически, дублируя наши биометрические подписи.

Ли́ра Симбел коротко осмотрела оба аппарата, оценивая их геометрию с точки зрения пилота. На её лице проступила та профессиональная собранность, с которой люди Великого Кольца встречали дальний Космос.

— Главное, чтобы нам не пришлось проверять эту синхронизацию в условиях экстремальной энтропии, — заметила она, направляясь к выходу из ангара.

Экипаж последовал за Родисом через внутренний герметичный переход, оставляя заливаемый светом ангар с двумя замершими модулями. Они поднялись по безупречно белым, плавно изгибающимся коридорам «Гармонии» к центральному посту управления.

Внутри «Гармонии» царила абсолютная, функциональная тишина, нарушаемая лишь едва слышным, фоновым гулом стабилизаторов гравитационного поля. Корабль не просто принял людей в свое внутреннее пространство — его кибернетическая надсистема мгновенно вошла в частотный резонанс с биоконтурными семерых исследователей. На прозрачных навигационных проекциях главного поста управления зажглись первые зеленые маркеры готовности фазовых систем. Начиналась синхронизация человеческого восприятия с грядущим ритмом межзвездной бездны, готовой распахнуться перед ними на пути к Аридану.

Рэй Аттал, сидевший в ложементе рядом с Нэйрой Дез, почувствовал, как электроды нейроинтерфейса коснулись висков, и сознание начало медленно «просачиваться» в управляющую сеть корабля. Сен Родис, не отрывая взгляда от центральной проекции, коротко кивнул Илу Рифту. Пришло время инверсии.

Молодая исследовательница Нэйра Дез замечала эти тончайшие психологические настройки значительно раньше остальных членов экипажа. Обладая феноменальной интуитивной чуткостью, она крайне редко лично вмешивалась в теоретические споры старших коллег, но великолепно чувствовала те критические моменты, когда группа начинала терять свою внутреннюю согласованность. В такие периоды душевного диссонанса даже сам корабль реагировал на изменения атмосферы иначе: люминесцентный свет в коридорах субъективно казался более холодным, стальным, а Биоконтур заметно дольше и неохотнее откликался на присутствие человека. Сперва Рэй Аттал считал подобные наблюдения Нэйры избыточно поэтическими, но со временем с научной точностью заметил, что эта удивительная женщина почти никогда не ошибается в своих диагнозах.

Рэй, сидевший в ложементе рядом с ней, перевел взгляд на главную обзорную проекцию. Внешние камеры передавали изображение «Гармонии» относительно окружающего пространства. В этот момент он остро осознал, что их корабль — не просто машина.

Ранние, архаичные поколения кораблей всё ещё несли на себе тяжелые следы старого инженерного мышления: грубо выступающие металлические конструкции и механистическое деление на изолированные блоки. Но с развитием теории пространственного согласования материи подобная архитектура утратила смысл. Теперь корабль проектировался не как инопланетный объект, преодолевающий сопротивление среды, а как органическая часть самого континуума.

Звездолёт больше не преодолевал парсеки расстояния в привычном понимании этого слова. Он входил в состояние фазовой совместимости с другой, удаленной областью Галактики. И в такой сверхсложной системе даже микроскопическая асимметрия могла разрушить весь интегральный процесс. Поэтому «Гармония» воспринималась учеными скорее как чистая полевая структура, лишь временно использующая плотную материю в качестве опоры. Иногда, при включении контуров согласования, визуальная поверхность корабля почти исчезала из

спектра: свет ламинарно скользил вдоль магнитных контуров, и внешний наблюдатель видел не сам материальный корабль, а лишь динамическое, линзовое смещение звёздного фона вокруг него. Рэй Аттал однажды поймал себя на глубокой, тревожной мысли, что «Гармония» выглядит не построенной на верфях Земли, а словно биологически выращенной в лабораториях Высшего Разума. И это странное ощущение грядущей органической мутации металла почему-то подсознательно тревожило его значительно сильнее, чем должно было тревожить хладнокровного ученого Земли перед лицом великой неизвестности.

Сен Родис не отводил и не отдавал директивных команд. В Эру Понимания в привычных административных приказах более не существовало объективной необходимости, поскольку сам фундаментальный характер управления сложными системами кардинально изменился задолго до того, как земное человечество научно освоило методы пространственного согласования материи. На ранних, экспериментальных этапах развития подобных космических технологий в умах инженеров ещё прочно сохранялось архаичное представление о межзвёздном переходе как о механической последовательности дискретных действий: оператор волевым усилием запускает силовой процесс, кибернетическая система послушно отвечает на заданное воздействие, а вмещающее пространство Космоса остаётся мёртвой, внешней и статичной средой, сквозь которую необходимо физически проложить курс.

Однако дальнейшее, диалектическое развитие квантовой физики и ноосферных концепций привело Разум к принципиально иному, более глубокому пониманию: в момент подлинного фазового согласования исследователь не способен оставаться изолированным, бесстрастным наблюдателем по отношению к происходящему материальному явлению. Любая догматическая попытка искусственно сохранить дистанцию между человеком и физическим процессом мгновенно разрушала саму квантовую возможность пространственного перехода. Именно поэтому теперь стратегическая задача командира и экипажа заключалась не в оперативном манипулировании приборами, а в целенаправленном удержании особого психофизического состояния, при котором субстратное совпадение корабля с метрикой далекой цели становилось физически возможным.

В самом центре панорамного обзорного пространства поста управления продолжала медленно, пластически изменяться циклопическая объёмная структура расчётной конфигурации полей. Ещё недавно, на предварительных стадиях полета, она воспринималась людьми как обычная математическая модель — сложная, перенасыщенная колоссальным множеством взаимосвязанных параметров, но всё же чётко отделённая от объективной реальности условностью голографической проекции. Теперь же это привычное ощущение отчужденности схемы постепенно и безвозвратно исчезало. Светящиеся силовые линии больше не казались Разуму плоским графическим изображением. Они начинали вести себя как органическая, активная часть самого происходящего физического процесса, словно рассчитываемая структура уже подлинно присутствовала не только внутри электронных вычислительных контуров «Гармонии», но и в самом континууме вокруг металлических шпангоутов корабля.

Опытный астронавигатор Ил Рифт первым зафиксировал это тектоническое изменение — уловил его не холодным рассудком, а почти профессиональным, обострённым инстинктом исследователя бездны, привыкшего безошибочно чувствовать внутреннюю устойчивость сложнейшей системы ещё до того, как на индикаторах кристаллизуются окончательные показания измерительных приборов. Силовые контуры проекции не просто послушно реагировали на введённый математический расчёт — они как будто латентно ожидали глубокого внутрен-

него согласования самого человеческого экипажа. Физический переход требовал субстратного участия не только безупречной техники, но и самой архитектоники человеческого восприятия.

— Инструментальная проверка контуров не завершена, — негромко произнёс Ил Рифт, не отрывая пристального взгляда от медленного, вязкого смещения полевых узлов в пространстве поста.

В его ровном голосе не обнаруживалось и тени панической тревоги, однако чуткая Лира Симбел сразу же уловила ту редкую, специфическую интонацию, которая появлялась у навигатора исключительно в моменты непосредственного столкновения с феноменами, выходящими далеко за пределы привычной, ортодоксальной инженерной логики Земли. В обычных условиях Ил Рифт безусловно и свято доверял математической точности. Для его организованного мышления строгий расчёт являлся не просто утилитарным инструментом навигации, а высшей формой внутренней честности материального мира — тем уникальным состоянием Вселенной, при котором любая космическая сложность оставалась принципиально познаваемой для ищущего Разума. Но сейчас, в преддверии Аридана, даже абсолютная безупречность выданных машинами параметров переставала казаться ему достаточным фактором безопасности.

Сей Танет медленно, с видимым усилием поднял усталый взгляд от пульсирующих линий биоритмического контура, развёрнутых протяжённой лентой вдоль внутренней оболочки Биосети звездолета. Как врач Звездного Флота и молекулярный биолог, он неотрывно наблюдал не столько за поведением автоматических систем корабля, сколько за интегральным состоянием живых людей. Уже несколько минут его приборы фиксировали странное, беспрецедентное в практике полетов изменение: базовые физиологические показатели всех членов экипажа постепенно и синхронно начинали сближаться к единому знаменателю. То не было банальной подстройкой частоты пульса или дыхания в прямом смысле слова — напротив, суверенные индивидуальные различия организмов полностью сохранялись, но между ними спонтанно возникала глубокая, устойчивая согласованность, напоминающая сложный, гармоничный ритм единого и могучего живого макроорганизма. Психофизика Семёрки сама превращалась в недостающий элемент навигации.

— Она и не должна быть завершена в рамках прежней логики, — спокойно и веско ответил Сей Танет, фиксируя показания Биосети. — Мы отчаянно пытаемся проверить приборами то динамическое состояние материи, которое физически существует исключительно в сам миг и в точке фазового совпадения. Пока наше сознание и плоть остаются умозрительно вне него, любая предварительная проверка по определению будет оставаться неполной и дискретной.

Тар Норин, до этого момента почти неподвижно, подобно изваянию, наблюдавший за развитием пространственной проекции, медленно и плавно провёл рукой сквозь один из мерцающих световых контуров. Силовые линии не распались и не исказились хаотически, как это неизбежно произошло бы с обычной голографической моделью ушедших веков. Напротив — сложная структура чутко откликнулась на биологическое тепло и электромагнитное поле человеческой руки, мягко и пластично сместив взаимное положение нескольких ключевых узлов, словно она заранее, на уровне алгоритмов, ожидала именно этого органического движения. На мужественном лице Тара Норина впервые за всё время подготовки проступила едва заметная, глубокая настороженность. Как профессиональный астрофизик и навигатор, он глубже остальных чувствовал изменчивую природу пространственных взаимодействий в вакууме, и сейчас его искренне тревожило не наличие локальной нестабильности полей, а полное, пуга-

ющее отсутствие привычной, незыблемой границы между теоретическим расчётом машин и самим физическим пространством Галактики.

— Матрица структуры уже латентно учитывает наше присутствие, — тихо, почти беззвучно произнёс он.

Ли́ра Симбел отрицательно качнула головой, не отрывая напряжённого взгляда от изумрудных управляющих контуров «Гармонии». Именно её обострённое женское восприятие первым зафиксировало, что звездолёт начал самостоятельно изменять внутренний режим еще до того, как операторы активировали переходные энергетические системы. Мягкий люминесцентный свет в коридорах и на полях обзора постепенно утрачивал свои резкие локальные акценты, становясь удивительно ровным, ламинарным, пронизывающим всё вещество комнат.

Второстепенные информационные сигналы и блики индикаторов сами собой исчезали из поля восприятия, не отвлекая мозг. Даже привычный, монотонный звук циркуляции очищенного воздуха казался теперь более глубоким, бархатистым и мягким, хотя объективные физические параметры корабельной атмосферы не изменились под контролем приборов ни на одну миллионную долю процента. Всё происходило по законам высшей целесообразности, словно живой корабль последовательно избавлялся от любого лишнего, поверхностного шума, стремительно переходя к какому-то более фундаментальному, первичному состоянию своего космического существования.

— Нет, Тар, — так же тихо, но с абсолютной внутренней убежденностью возразила она. — Это не она учитывает нас. Это наше эволюционирующее сознание наконец-то начинает в полной мере учитывать её полевую природу.

Нэйра Дез стояла чуть в стороне от основной группы исследователей и почти не смотрела на пульсирующую в воздухе пространственную проекцию Аридана. Всё её концентрированное внимание было целенаправленно обращено на сам экипаж, на динамику их душевных состояний. За годы долгой научной работы она в совершенстве научилась замечать те редкие, сакральные моменты, когда группа разнородных людей перестаёт быть просто механической совокупностью отдельных, эгоцентрических сознаний и начинает действовать как монолитная, единая психическая структура, ни в чём не утрачивая при этом уникальных различий между личностями. Именно сейчас на борту «Гармонии» разворачивалось нечто подобное. Нэйра отчетливо, почти физически ощущала, как постепенно и безвозвратно нивелируется привычное для ушедших эпох разделение между внешним наблюдением, холодным математическим анализом и внутренним, эмоциональным переживанием происходящего таинства. Люди всё ещё оставались суверенными сынами Земли, но сама космическая форма их присутствия в континууме менялась коренным образом.

— Привычная разница между субъектом и объектом начинает бесследно исчезать, — произнесла она шёпотом, словно боясь спугнуть рождающуюся гармонию.

Рэй Аттал медленно поднял голову, разрывая оцепенение. До этого судьбоносного момента он неподвижно стоял у прозрачной кварцевой панели внешнего обзора, молча наблюдая за бархатной черной бездной пространства за пределами титанового корпуса корабля, однако теперь его глубокий взгляд был сфокусирован исключительно внутрь самой рождающейся структуры перехода. В отличие от своих коллег, его тонкий аналитический ум тревожило не возможное техническое несовершенство кибернетического процесса, а более грозный, философский фактор: сама укоренившаяся идея изолированного наблюдения. С самого первого дня соприкосновения с флуктуирующими ариданскими сигналами Рэй всё чаще и жестче

сталкивался с непреклонным материалистическим ощущением, что сверхсложные ноосферные системы Вселенной в принципе невозможно изучать, оставаясь холодным внешним наблюдателем. Любая трусливая попытка сохранить дистанцию и безопасность неизбежно и радикально искажала сам объект исследования, превращая его в мертвую схему.

— В таком случае, — веско произнес Рэй Аттал, формулируя главный закон грядущего похода, — подлинный переход и Контакт принципиально невозможны, если мы внутри своего разума продолжаем малодушно считать себя только лишь внешними наблюдателями.

Сен Родис впервые за долгие часы медленно отвёл взгляд от центральной сияющей структуры. Некоторое время командир экспедиции хранил глубокое, торжественное молчание, словно тщательно проверял и взвешивать услышанную от молодого ученого мысль — проверял её не сухой формальной логикой формул, а всем своим колоссальным внутренним опытом человеческих контактов, накопленным земной цивилизацией за долгие столетия трудного, жертвенного освоения безграничного Космоса. Он понимал: они стоят на пороге величайшего открытия, где законы физики и законы этики Разума сливаются в единый, нерасторжимый закон Вселенной.

— Да, — произнёс он наконец спокойно. — Мы должны стать частью условия.

После этих слов тишина внутри обзорного пространства изменилась. Она не стала тяжёлой или напряжённой — напротив, в ней появилось ощущение предельной сосредоточенности, как будто само пространства корабля начинало постепенно выстраиваться вокруг единственного процесса. Ни одна система «Гармонии» не переходила в активный режим резко. Не было всплеска энергии, вибрации или ощущения ускорения. Всё происходило противоположным образом: корабль словно упрощался. Гасли вспомогательные контуры, исчезали второстепенные информационные потоки, интерфейсы сворачивались до минимально необходимых уровней. Даже свет перестал привлекать внимание к себе. Он не стал тусклее или ярче — просто утратил избыточность, сохранив только функцию проявления пространства.

Командир звездолета Ил Рифт внезапно почувствовал странное внутреннее смещение. Всю жизнь он доверял точности. Но сейчас впервые ясно осознал, что абсолютная корректность параметров ещё не означает возможности перехода. Расчёты были безупречны. Контуры — стабильны. Энергетические соотношения удерживались с точностью, недоступной прежним поколениям физиков. И всё же этого оказывалось недостаточно.

— Недостаточно точности, — тихо произнёс Ил Рифт, почти не замечая, что говорит вслух.

Сей Танет медленно вдохнула, продолжая наблюдать за состоянием Биосети.

— Потому что это не механизм, — ответила она. — Живой организм тоже можно описать идеально, но описание не объясняет, почему в один момент он жив, а в другой — уже нет.

Ил Рифт повернул голову к ней, и на короткое мгновение между ними возникло то редкое понимание, которое невозможно полностью выразить словами: инженер впервые увидел процесс не как систему конструкций, а как форму существования.

Тар Норин тем временем продолжал наблюдать за пространственной структурой, и чем дольше он смотрел на неё, тем сильнее исчезало ощущение траектории.

— Мы всё ещё пытаемся мыслить движением, — сказал главный астронавигатор. — Но здесь нет пути. Есть только возможность совпадения.

Рэй Аттал едва заметно усмехнулся.

— Или невозможность несовпадения, — тихо произнёс он.

Ли́ра Симбел провела пальцами вдоль управляющего контура, однако система уже не требовала настройки. Корабль удерживал состояние самостоятельно, словно участие экипажа постепенно переставало быть техническим и становилось внутренним.

— Мы уже входим, — почти шёпотом сказала она.

— Нет, — ответил Рэй после короткой паузы. — Мы перестаём выходить.

Нэйра Дез закрыла глаза. Биоконтур вокруг неё мягко изменил оттенок свечения, реагируя на изменение нервной активности.

— Главное сейчас — сохранить различие, — тихо сказала она. — Если мы полностью сольёмся с состоянием, переход станет невозможен. Некому будет совпадать.

После этих слов в тишине впервые возникло напряжение — не страх, а глубокое ощущение хрупкости самой границы личности. Сен Родис медленно вдохнул, и внезапно это движение показалось ему странным, словно дыхание переставало принадлежать только телу и становилось частью более общего ритма, в который постепенно входили и корабль, и пространство вокруг него. Начальник экспедиции волевым движением наложил ладонь на центральную сенсорную панель, окончательно замыкая интегральную Биосеть и транслируя единый психический импульс Семёрки в управляющие аннигиляционные контуры.

— Начинаю переход.

Мир вокруг не померк, не взорвался и не раскололся грохотом энергетического выброса. Вместо этого он начал плотно, осязаемо просачиваться сквозь них. Это было ни на что не похожее, ламинарное и глубокое расширение сознания, когда привычные физические границы собственного «я» внезапно перестали совпадать с анатомическими очертаниями тел. Рэй Аттал почувствовал, как его мысли стали частью навигационных алгоритмов Тара Норина, а ощущения Лиры Симбел на системах дальней связи превратились в прямую гравитационную компенсацию корабля. Восемьсот парсек бездонного космического вакуума, разделявшие Землю и целевой сектор, пластически вывернулись наизнанку, пропуская лабильную полевую структуру «Гармонии» сквозь неевклидово игольное ушко изменённой метрики пространства.

В абсолютной тишине поста управления не раздалось ни звука — только тяжелое, мерное дыхание семи человек, слившееся в единый, монолитный макроритм. Это был акт предельного доверия между Разумом и трансформированной Материей, где малейшая раздвоенность мысли могла привести к катастрофическому расслоению личности в поле фазового прыжка.

А затем исчезло последнее ощущение локальности. Пространство схлопнулось в точку абсолютного тождества полей. Переход завершился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.